

Драматург Казанцев в детстве мечтал стать клоуном

Сцена — С. Пб. — 1995 — 24 нояб. — с. 8

АЛЕКСЕЯ Казанцева особо представлять не приходится. Его пьесы "Антон и другие", "Старый дом", "И порвется серебряный шнур", "Великий Будда, помоги им", "Сны Евгении" охотно ставили и в столице, и в провинции. Отложив свои дела - по изданию и редактированию журнала "Драматург", он приехал на несколько дней в Петербург, в Театр Сатиры на Васильевском острове, который открыл свой очередной сезон спектаклем "Тот этот свет" - постановкой Владимира Туманова по одноименной пьесе Алексея Казанцева.

- То, что я увидел здесь, в Театре сатиры, показалось мне очень талантливым. Об остальном не мне судить. Мы не были знакомы до этого. Туманов прочел мою пьесу в журнале и позвонил... Потом при встрече он произвел на меня самое замечательное впечатление. Это режиссер, владеющий русской драматической школой, и одновременно очень интересный постановщик, что не всегда сочетается. Наконец, он доброжелательный и интеллигентный человек, а это большая редкость среди режиссеров.

- Какого вы, однако, мнения о режиссерах, Алексей Николаевич!

- У нас отношения в театрах звериные. Во многих. Поэтому тут нужны люди определенной закалки. Я год проучился у Георгия Александровича Товстоногова. Потом пять лет у Олега Николаевича Ефремова. Несмотря на мое прекрасное отношение к учителям, которых я люблю, наше отечественное обучение режиссуре - это полная ерунда. С самого первого дня должна быть практика, сочетающаяся с редкими теоретическими занятиями. А не наоборот.

- Вы были актером, режиссером. Театралам памяты ваши постановки "Земляничной поляны" Бергмана в Рижском театре русской драмы и "Если буду жив..." с Натальей Теняковой и Сергеем Коковским в Театре имени Моссовета. Но как у вас впервые возникла мысль написать пьесу? С чего это вдруг?

- С тоски. В юности я вел дневник. Перестал. И начал писать пьесы. Они во многом как дневник для меня. Я себя писателем никогда не называю. Это ужасно. Даже слово "драматург" выговариваю с

трудом. Пишу только то, что хочу и когда хочу. Между пьесами проходит 3-4 года.

- Насколько вам близок герой вашей последней пьесы - тоскующий кинорежиссер?

- Это, конечно, не я. Но отец мой, как и в пьесе, тоже профессор, юрист. Многие современные государственные деятели у него в МГУ учились. Либо по крайней мере листали учебники, которые он написал. Есть и другие совпадения.

- Тогда, судя по пьесе, жена ваша - художница, а мама печет вкусные пирожки?

- Да. Мама всю жизнь была домохозяйкой. Она родилась в 1912 году. И, когда я писал пьесу "Тот этот свет", я думал о том, сколько же эти негодяи сумели понаделать преступлений за жизнь одного только человека. Она помнит революцию, пережила войну, при всех властях стояла в очереди. Сейчас не стоит, но в магазинах все-таки ходит, потому сообщает цены... А по отцовской линии нас раскулачивали неоднократно. Так что

я внук кулака.

- Вопрос к вам как к редактору журнала "Драматург". Неужели у нас действительно такая напряженка с современными талантливыми пьесами? Театры по-прежнему уходят в классику не только от большой любви к ней. Ведь так?

- Беспомощность нашего театра заключается в том, что он предпочитает развлекать, а не кричит о том, что нельзя жить так безнравственно, как наша страна сейчас. Руководители театров откровенно растеряны. Они в большинстве своем не знают, что сказать о сегодняшнем дне. Или боятся говорить. А свалить все, как и во времена отдела культуры ЦК КПСС, удобно на то, что "нет пьес".

В этом году в именин Станиславского прошел очередной фестиваль молодой драматургии "Любимовка-95", который проводят Министерство культуры и Международная конфедерация театральных союзов. Я участвовал в его проведении вместе с Виктором Славкиным, Юлием Рыбаковым и другими. Знаете,

что нас порадовало больше всего? Сколько замечательных, умных и талантливых молодых людей...

Я всегда говорил, что должно возникнуть какое-то духовное противодействие тому мировому капитализму, который у нас образовался. Этой молодежи чужды коммунистические идеи, но она не принимает и многие сегодняшние приоритеты в силу их безнравственности. И вместо того, чтобы заниматься так называемым "бизнесом", пишет пьесы. Кстати, хорошие.

- У вашего журнала девственно белая обложка. Это из принципа или от бедности?

- Журнал у нас вызывающе некоммерческий. И наша позиция - ни с кем не заигрывать, никого не зазывать. Кому надо - тот прочтет. Обложка, кстати, как и весь журнал очень дорогая. Хорошая бумага, хорошая печать, хорошие пьесы - иначе не стоило бы и заниматься этим.

Один из законов нашего журнала - ни одного конфликтного материала. Ни одной негативной рецензии.

- Даже если спектакль откровенно бездарен?

- Мы лучше промолчим. Каждый номер стоит очень дорого. А любая критическая статья - это всего лишь мнение одного человека. Умный критик должен понимать, что его профессия даже не вторична - третична. Нам кажется, что лучше поддержать хорошее, талантливое, чем тратить время и силы на переругивание с кем-то и унижение кого-то.

- Ваше самое сильное театральное впечатление?

- Пожалуй, оно было в пятнадцать лет. Когда я увидел старую постановку "Дяди Вани" во МХАТе. На сцене были Орлов, Кторов, Яншин... Они ничего не делали. Просто сидели и разговаривали. Но это были не артисты, а именно дядя Ваня, профессор Серебряков и Вафля. И я до сих пор не могу забыть интонацию Яншина, когда он говорил: "Иду по улице, а мне вслед кричат: приживал!"

- Ваше мировосприятие, как мне показалось, не очень-то оптимистично. Поэтому вы пишете трагедии?

- Три года, будучи студентом, я играл на сцене Центрального детского театра. Трудно поверить, но наиболее всего мне удавались экцентричные роли с элементарными клоунады. И долгое время я больше всего любил цирк. В детстве я мечтал стать только клоуном и никем другим.

Нехорошо писать пьесы только для того, чтобы вогнать зрителей в транс. Но и недоговаривать что-то тоже нехорошо. Поэтому мой жанр - трагикомедия.

Записала
Елена ДОСТОВАЛОВА
Фото Н. КОЧНЕВА